Слушай песню ветра. Пинбол 1973 (сборник)

Автор:
Харуки Мураками

Слушай песню ветра. Пинбол 1973

Харуки Мураками

Миры Харуки Мураками

Харуки Мураками (р.1949) – самый известный из ныне живущих японских писателей, автор полутора десятков книг, переведенных на многие языки мира. «Слушай песню ветра» (1979) и «Пинбол 1973» (1983) – два первых романа «Трилогии крысы», знаменитого цикла писателя, завершающегося «Охотой на овец» (1988) и продолженного романом «Дэнс, Дэнс, Дэнс» (1991).

Харуки Мураками

Слушай песню ветра. Пинбол 1973 (сборник)

Murakami Haruki

KAZE NO UTA WO KIKE

1973-NEN-NO PINBOORU

Copyright © Харуки Мураками, 1979, 1983

© В. Смоленский, перевод на русский язык, 2018

© М. Немцов, послесловие, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Слушай песню ветра

1

«Такой вещи, как идеальный текст, не существует. Как не существует идеального отчаяния».

Это сказал мне один писатель, с которым я случайно познакомился в студенчестве. Что это означает на самом деле, я понял значительно позже – а тогда это было неплохим утешением. Идеальных текстов не бывает – и все.

Тем не менее, как только дело доходило до того, чтобы написать что-нибудь, на меня накатывало отчаяние. Потому что круг возможных тем был ограничен. Например, про слона я еще мог что-то написать, а вот про то, как со слоном обращаться, – уже вряд ли. Такие дела.

Восемь лет передо мной стояла эта дилемма. Целых восемь лет. Срок немалый.

Но пока учишься чему-то новому, стареть не так мучительно. Это если рассуждать абстрактно.

С двадцати с небольшим лет я все время стараюсь жить именно так. В ответ – бессчетные оплеухи, непонимание, обман, но в то же время – и драгоценный опыт. Приходили какие-то люди, заводили со мной разговоры, с грохотом проносились надо мной, как по мосту, и больше не возвращались. Я же сидел тихо, даже рта не открывал. И так встретил последний год, который оставался мне до тридцатника.

А сейчас думаю: дай-ка расскажу.

Конечно, это не решит ни одной проблемы, и, боюсь, после моего рассказа все останется на своих местах. В конце концов, тексты пишутся не для самоисцеления, а только ради слабой попытки на этом пути.

Однако, честно все рассказать чертовски трудно. Чем больше я стараюсь быть честным, тем глубже тонут во мраке нужные слова.

Я не собираюсь оправдываться. По крайней мере, лучше я пока написать не могу. Прибавить нечего. А еще вот что я думаю. Вдруг, забравшись в будущее – на несколько лет или даже десятилетий, – я обнаружу, что спасен? Тогда мои слоны вернутся на равнину, и я найду для мира слова красивее нынешних.

* * *

В сочинении текстов я многому научился у Дерека Хартфильда. Можно сказать, всему. Сам Хартфильд, к сожалению, был писателем во всех отношениях бесплодным. Если почитаете, сами увидите. Корявый текст, дурацкие темы, неуклюжие сюжеты. Однако, несмотря на все это, он был из тех немногих писателей, которые могли из текста сделать оружие. Современникам – таким, как Хемингуэй или Фицджеральд, – он определенно не уступал в боевой выправке. Просто ему, Хартфильду, до конца дней не удавалось найти противника. Собственно, в этом и состояло его бесплодие.

Восемь лет и два месяца он вел эту бесплодную битву, а потом умер. Солнечным воскресным утром в июне 1938 года, держа в правой руке портрет Гитлера, а в левой – зонтик, он прыгнул с крыши «Эмпайр-Стейт-Билдинг». Его смерть, равно как и жизнь, особых разговоров не вызвала.

Первая книга Хартфильда попала мне в руки случайно – они не переиздавались. Я заканчивал тогда среднюю школу и страдал от кожной болезни в паху. Книгу мне подарил дядя, а через три года он заболел раком кишечника. Его искромсали вдоль и поперек, напихали пластиковых трубок во все входы и выходы – он намучился и умер. Когда я в последний раз видел его, он напоминал хитрую обезьянку, коричневую и сморщенную.

* * *

Всего у меня было три дяди – еще один умер в предместьях Шанхая. Через два дня после окончания войны он наступил на им же закопанную мину. Единственный дядя, оставшийся в живых, стал фокусником и ездит с выступлениями по курортам.

* * *

Хартфильд так высказался о хорошем тексте: «Процесс написания текста есть не что иное, как подтверждение дистанции между пишущим и его окружением. Не чувства нужны здесь, а линейка». («Что плохого, если вам хорошо?», 1936 г.)

Зажав в руке линейку, я начал робко осматриваться. Дело было в год смерти президента Кеннеди – выходит, прошло уже пятнадцать лет. Целых пятнадцать лет я был занят тем, что выкидывал всё и вся. Как из самолета с отказавшим мотором для облегчения веса выбрасывают сначала багаж, потом сиденья, а в конце концов – несчастного бортпроводника, – так и я пятнадцать лет выкидывал всякую всячину. Но взамен почти ничего не получил.

Нет уверенности, что я все делал правильно. Стало легче, это да – но жутко при мысли о том, что останется от меня, когда придется встретить смерть. После кремации – неужели одни косточки?

«Когда душа темна, видишь только темные сны. А если совсем темная – то и вовсе никаких». Так говорила моя покойная бабушка.

В ночь, когда бабушка умерла, я протянул руку и тихонько закрыл ей веки. В это мгновение сон, который она смотрела семьдесят девять лет, тихо закончился, как короткий летний дождь, бивший по мостовой. Не осталось ничего.

* * *

И еще насчет текста. Последний раз.

Создание текста для меня – процесс мучительный. Бывает, за целый месяц ничего путного из себя не выдавить. Еще бывает, что пишешь три дня и три ночи – а написанное потом все истолкуют как-нибудь не так.

Но вместе с тем, писать текст – это штука веселая. Ей гораздо легче придать смысл, чем преодолению жизни.

Когда подростком я обратил на это внимание, то так удивился, что целую неделю ходил обалдевший. Казалось, стоит чуть пошевелить мозгами, как весь мир поменяет ценности, время потечет по-другому… Все будет, как я захочу.

То, что это ловушка, я обнаружил значительно позже. Разделив блокнот линией на две половины, я выписал в правую все, чего достиг за это время, а в левую – все, что потерял. Потерял, растоптал, бросил, принес в жертву, предал… До конца перечислить так и не смог.

Между нашими попытками что-то осознать и действительным осознанием лежит глубокая пропасть. Какой бы длины линейка у нас ни была, эту глубину нам не промерить. Все, что я могу передать на бумаге, – не более, чем перечень. Никакой не роман, никакая не литература – вообще не искусство. Просто блокнот, разделенный надвое вертикальной чертой. А что до морали – ну, может, немножко будет и ее.

Если же вам нужны искусство и литература, читайте греков. Ведь для того, чтобы родилось истинное искусство, совершенно необходим рабовладельческий строй. У древних греков рабы возделывали поля, готовили пищу и гребли на галерах, а горожане в это время предавались стихосложению и упражнениям в математике под средиземноморским солнцем. И это было искусство.

А какой текст может написать человек, посреди ночи роющийся в холодильнике на пустой кухне? Только вот такой и может.

Это я о себе.

История началась 8 августа 1970 года и закончилась через 18 дней – то есть 26 августа того же года.

3

– ВСЕ БОГАТЫЕ – ГОВНЮКИ!

Крыса выкрикнул это мрачно, упираясь локтями в стойку и повернув голову ко мне.

Не исключено, что слова предназначались какой-нибудь кофемолке у меня за спиной. Я сидел рядом, и специально орать необходимости не было. Так или иначе, но после вопля Крыса принял довольный вид и снова принялся за пиво.

Впрочем, никто вокруг и не слышал, как Крыса кричал. Тесное заведение было битком набито посетителями, и все орали точно так же. Зрелище напоминало тонущий пароход.

– Паразиты! – сказал Крыса и тупо помотал головой. – Они ведь, сволочи, сами ничего не могут. Как увижу богатую харю, так прямо с души воротит.

Я кивнул, не отрываясь от стакана со слабым пивом. Крыса замолк и уставился на свои тощие пальцы, поворачивая руки то так, то этак – будто грел у костра. Я смиренно поднял глаза к потолку. Пока он не проведет ревизию всех десяти пальцев, одного за другим, разговора не получится. Всегда так.

За лето мы с Крысой выпили 25-метровый бассейн пива и покрыли пол «Джейз-бара» пятисантиметровым слоем арахисовой шелухи. Если бы мы этого не делали, то просто бы не выжили, такое скучное было лето.

Над стойкой «Джейз-бара» висела гравюра, вся выцветшая от табачного дыма. Когда бывало нечем заняться, я глазел на нее часами, и она не надоедала мне. Изображение на ней подошло бы для теста Роршаха. Я, например, видел двух зеленых обезьян – они сидели друг напротив друга и перекидывались двумя сдутыми теннисными мячиками.

Когда я сказал об этом бармену Джею, он внимательно посмотрел на гравюру и флегматично произнес:

– Обезьяны так обезьяны…

– А ты что видишь? – допытывался я.

– Левая обезьяна – это ты, а правая – я. Я бросаю тебе пиво, а ты мне – деньги.

Я допивал пиво под глубоким впечатлением от сказанного.

– Тошнит меня от них!

Это Крыса закончил инспекцию своих пальцев и вернулся к разговору.

Богатых Крыса ругал не в первый раз – он их и вправду ненавидел. Сам был из семьи далеко не бедной – но, стоило ему об этом напомнить, отвечал: «Я же не виноват, что так вышло!» Иногда (чаще – перебрав пива) я говорил: «Нет, ты виноват!» – и после чувствовал себя препогано. В словах Крысы все же была доля истины.

– А знаешь, почему я богатых не люблю?

В тот вечер Крыса решил развить тему. Так далеко этот разговор еще не заходил.

Я помотал головой – не знаю.

– Потому что, вообще говоря, богатые совсем мозгами не шевелят. Без фонаря и линейки они и жопу себе почесать не смогут.

«Вообще говоря» было у Крысы излюбленным выражением.

– Понятно.

– Эти сволочи о главном не думают. Прикидываются только, что думают. А все почему?

– Ну, почему?

– Не надо им это. Конечно, чтобы стать богатым, голова немножко нужна. А чтобы им оставаться – уже нет. Это как спутник – ему тоже бензина не надо. Знай себе крутись. А я – не такой, и ты тоже не такой. Нам, чтобы жить, надо обо всем думать. От завтрашней погоды – и до размера затычки в ванной. Правильно?

– Ага.

– Ну вот.

Сказав все, что хотел, Крыса достал из кармана салфетку и со скучающим видом прочистил нос. Я никогда не мог понять, где он серьезен, а где нет.

– Но ведь, в конце концов, все умрут, – закинул я удочку.

– Само собой. Все когда-нибудь умрут. Но до этого надо еще полсотни лет жить. А жить пятьдесят лет, думая, – это, вообще говоря, гораздо утомительнее, чем жить пять тысяч лет, ни о чем не думая. Правильно?

А ведь правильно…

4

Я познакомился с Крысой три года назад, весной, когда мы поступили в университет. Оба сильно напились, и уже не вспомнить, по какому поводу, в пятом часу утра оказались в его черном шестисотом «фиате». Наверное, захотели кого-нибудь навестить.

Так или иначе, мы были пьяны в дым. Вдобавок стрелка спидометра показывала восемьдесят. Нас спасла только улыбка Фортуны: снеся парковую ограду, пропахав клумбу рододендронов и со всего размаху въехав в каменный столб, мы не заработали ни ушиба.

Придя в себя, я вышиб ногой поломанную дверь и вылез наружу. Крышка капота отлетела метров на десять и приземлилась у клетки с обезьянами, а передок «фиата» вогнулся точно по форме столба. Грубо разбуженные обезьяны страшно негодовали.

Крыса сидел, вцепившись обеими руками в руль и согнувшись пополам, – но не потому, что повредил себе что-то, а потому, что блевал съеденной час тому назад пиццей на приборную доску. Я забрался на крышу и через люк заглянул внутрь.

– Ты как?

– Да ничего… Малость перепил только. Блюю…

– Вылезти можешь?

– Если вытащишь.

Крыса заглушил двигатель, взял с приборной доски пачку сигарет и сунул ее в карман. Потом схватился за мою руку и медленно выбрался наружу. Сидя на крыше «фиата» и глядя на начинавшее белеть небо, мы выкурили по нескольку сигарет. Мне почему-то вспоминался фильм про танкистов с Ричардом Бёртоном в главной роли. Уж не знаю, о чем думал Крыса.

– Да-а-а… – сказал он минут через пять. – Повезло нам с тобой. Ты подумай, ни царапины. Разве такое бывает?

– И не говори, – ответил я. – Только машине-то, наверное, кранты?

– Да бог с ней. Машину можно новую купить. Везение не купишь!

Я с удивлением посмотрел на него.

– Ты что, богатый?

– Похож, да?

– Так это же хорошо…

Крыса не ответил, только недовольно потряс головой. И повторил:

– А все-таки нам с тобой повезло.

– Это точно…

Затоптав сигарету, Крыса щелчком пальца забросил окурок в клетку к обезьянам.

– Слушай, – сказал он, – может, нам с тобой объединиться в команду? Мы, за что ни возьмемся, все так славно получается!

– А с чего начнем?

– Давай пиво пить.

В автомате неподалеку мы купили с полдюжины банок и побрели к морскому берегу. Растянувшись на пляже, все выпили и стали смотреть на море. Погода была замечательная.

– Зови меня «Крыса», – сказал он.

– Почему «Крыса»? – удивился я.

– Уже не помню. Давно прилепилось. Сначала жутко не нравилось, а теперь нормально. Ко всему привыкаешь.

Мы побросали пустые банки в море, прислонились к волнорезу и часок вздремнули, с головой накрывшись пальто. Проснувшись, я почувствовал, как по

всему телу разливается какая-то непонятная жизненная сила. Чудесное ощущение.

– Сто километров могу пробежать, – сказал я Крысе.

– Я тоже, – сказал Крыса.

На самом же деле, нам предстояло выплачивать муниципалитету деньги за ремонт в парке с рассрочкой на три года и с процентами.

5

К моему удивлению, Крыса ничего не читал. Никогда не видел, чтобы он читал печатный текст – кроме спортивных газет и рекламных листков. Когда я, убивая время, брался за какую-нибудь книжку, он с любопытством в нее заглядывал – прямо-таки муха, изучающая мухобойку.

– А зачем ты книжки читаешь?

– А зачем ты пиво пьешь?

Мы закусывали маринованной ставридой и овощным салатом. Отвечая вопросом на вопрос, я даже не глядел в сторону Крысы. Он задумался и минут через пять произнес:

– В пиве что хорошо? Оно все в мочу уходит, без остатка. Как всухую выиграл у кого-нибудь.

Он сказал это и посмотрел, как я жую.

– А зачем ты книжки читаешь?

Я проглотил последний кусок ставриды, запил пивом и убрал тарелку. Рядом лежал недочитанный том «Воспитания чувств». Я взял его и пальцами пробежался по обрезу страниц.

– Затем, что Флобер уже помер!

– А живых не читаешь?

– Живых читать – никакого проку.

– Почему?

– Потому что мертвым почти все можно простить.

Я повернулся к переносному телевизору на стойке – там исполняли «Дорогу 66». Крыса опять задумался.

– А живым что – нельзя почти все простить?

– Живым? Я об этом как-то всерьез не думал… Но если они тебя совсем в угол загонят, как их тогда простишь? Не простишь ведь, наверное…

Подошел Джей, поставил перед нами еще по бутылке пива.

– А что будешь делать, если не простишь?

– Уткнусь в подушку и усну.

Крыса в растерянности качнул головой.

– Странно… Как-то я не очень понимаю… Я налил ему пива. Он съежился и задумался.

Потом заговорил:

– Последний раз я книжку читал прошлым летом. Не помню ни названия, ни автора. Зачем читал, тоже не помню. Какой-то роман, а написала женщина. Героиня – тоже женщина, знаменитый модельер, возраст – около тридцати. Короче, она убедила себя, что больна неизлечимой болезнью.

– Что за болезнь?

– Не помню. Рак, наверное. Какие еще бывают неизлечимые? В общем, она едет на морской курорт и там мастурбирует всю дорогу. В ванне, в лесу, в постели, в море – короче, везде.

– И в море?

– Ага. Представляешь? Охота им про это писать. Будто больше не о чем.

– Да уж…

– Такие книжки – я извиняюсь. Меня от них блевать тянет.

Я кивнул.

– Я бы на ее месте совсем другой роман написал.

– Какой, например?

Крыса повозил пальцем по краю кружки.

– Ну, допустим, такой. Я сажусь на теплоход, а он посреди Тихого океана тонет. Я хватаюсь за спасательный круг и абсолютно один болтаюсь в ночном океане, глядя на звезды. Прекрасная тихая ночь. И вдруг откуда-то ко мне подплывает молодая женщина, тоже на спасательном круге.

– Женщина-то хорошая?

– Ну, естественно.

Я отхлебнул пива и покачал головой.

– Дурь какая-то.

– Нет, ты дальше слушай. Значит, мы с ней вместе болтаемся в океане и разговариваем о жизни. Откуда мы и куда, какие у нас увлечения, с кем мы раньше спали, что по телевизору смотрели, какие вчера сны видели и так далее. А потом пиво пьем.

– Погоди… Откуда пиво-то?

Крыса немного подумал.

– Оно тоже там плавало. В банках. На теплоходе столовая была, и оно оттуда высыпалось. И еще сардины в масле. Нормально, по-моему?

– Ага.

– И тут начинает светать. Что делать будем? – спрашивает она меня. Я, говорит, хочу сплавать туда, где наверняка есть остров. А я ей говорю: острова-то, может, никакого и нету! Лучше уж здесь плавать да пиво пить, а там, глядишь, и самолет прилетит спасательный. Но она меня не слушает и уплывает одна.

Крыса вздохнул и выпил пива.

– Женщина через два дня и две ночи добирается до своего острова. А меня, похмельного, спасает самолет. И через несколько лет мы с ней случайно встречаемся в маленьком баре на краю города.

– И опять пьете пиво, да?

– Грустная история, правда?

– Грустнее некуда…

6

В романе Крысы я бы отметил два положительных момента. Во-первых, там нет сцен секса, а во-вторых, никто не умер. Ни к чему заставлять людей умирать или спать с женщинами – они этим заняты и без того. Такая порода.

* * *

– Ты думаешь, я была неправа? – спросила она.

Крыса отхлебнул пива и медленно покачал головой:

– Вообще говоря, все неправы.

– Почему ты так думаешь?

Крыса хмыкнул и облизнул верхнюю губу. Ответа не было.

– У меня чуть руки не отвалились, пока я доплыла до этого острова! Думала, умру – до того худо было. И одна мысль свербила: что, если ты прав, а я нет? Почему я мучиться должна, а ты там болтаешься в воде и в ус не дуешь?

Она рассмеялась и страдальчески опустила взгляд. Крыса потерянно и бесцельно шарил у себя в карманах. Первый раз за три года ему жутко хотелось курить.

– Ты желала моей смерти?

– Ну, как… Немножко.

– Точно «немножко»?

– Я не помню…

Оба замолчали. Крысе захотелось что-нибудь сказать.

– Знаешь что? Люди не рождаются одинаковыми.

– Кто сказал?

– Джон Ф. Кеннеди.

7

В детстве я был ужасно молчаливым ребенком. До того молчаливым, что родители встревожились и отвели меня к знакомому психиатру.

Доктор жил на холме, в доме с видом на море. Я сел на диван в залитой солнцем приемной. Средних лет хозяйка, демонстрируя изысканные манеры, принесла холодный апельсиновый сок и два пончика. Стараясь не просыпать сахар на колени, я съел полпончика и выпил весь сок.

– Еще будешь пить? – спросил доктор. Я помотал головой. Мы сидели друг напротив друга. С портрета на стене укоризненно глядел Моцарт, похожий на боязливого кота.

– Давным-давно, – начал доктор, – жил-был добрый козел…

Какое вступление! Я закрыл глаза и попытался представить доброго козла.

– У козла на шее висели тяжелые металлические часы. Он так с ними везде и ходил. Ходил и пыхтел. Причем мало того, что они были тяжелые – они еще и не работали. Пришел как-то к козлу знакомый заяц и говорит: «Слушай, козел! И чего ты все таскаешь эти ломаные часы? Они ведь тяжелые, да и толку от них никакого». «Тяжелые-то тяжелые, – отвечает козел, – да только я к ним привык. Хоть они и вправду тяжелые, а к тому же не работают».

Доктор отпил апельсинового сока и улыбнулся мне. Я молча ждал продолжения.

– И вот однажды заяц преподнес козлу на день рожденья небольшую коробочку, перевязанную лентой. А в коробочке были новенькие, блестящие, необыкновенно легкие и отлично работающие часы. Козел очень обрадовался, повесил их на шею и побежал всем показывать.

Сказка неожиданно кончилась.

– Ты – козел. Я – заяц. Часы – твоя душа.

Я почувствовал, что меня обманули, и покорно кивнул.

Раз в неделю, во второй половине воскресенья, пересаживаясь с поезда на автобус, я добирался до докторского дома. А там ел кофейные рулеты, яблочные пироги, сладкие плюшки, медовые рогалики – и лечился. После года такой терапии мне понадобился дантист.

– Цивилизация есть передача информации, – говорил мой доктор. – Если ты чего-то не можешь выразить, этого «чего-то» как бы не существует. Вроде и есть, а на самом деле нет. Вот, скажем, ты проголодался. Стоит сказать: «Есть хочу!» – как я сразу дам тебе плюшку. Бери. (Я взял.) А если ничего не скажешь, то не будет тебе плюшек. (С видом злодея он спрятал тарелку с плюшками под стол.) Ноль! Понял? Говорить ты не желаешь. Но кушать-то хочется! И вот ты пытаешься выразить это без слов. На языке жестов. Попробуй.

Я схватился за живот и изобразил на лице страдание. «Это у тебя несварение желудка!» – засмеялся доктор.

Несварение желудка…

Потом мы с ним вели Непринужденный Разговор.

– Ну-ка, расскажи мне что-нибудь про кошек. Что угодно.

Я вертел головой, изображая раздумье.

– Ну, что тебе первое в голову приходит?

– Четвероногое животное…

– Так это слон!

– Гораздо меньше…

– Ладно, что еще?

– Живет у людей в домах. Когда есть настроение, мышей ловит.

– А что ест?

– Рыбу.

– А колбасу?

– Колбасу тоже…

В таком вот духе.

Доктор говорил правильно. Цивилизация есть передача информации. Когда станет нечего выражать и передавать, цивилизация закончится. Щелк! – и выключилась.

Весной, когда мне исполнилось четырнадцать, случилась удивительная вещь. Я вдруг начал говорить – да так, будто плотину прорвало. Что именно я говорил, теперь уже не вспомню, но три месяца я трещал без умолку, словно восполняя четырнадцать лет молчания. А когда в середине июля закончил, то температура у меня поднялась до сорока градусов, и я три дня не ходил в школу. Потом температура спала. Я стал не молчун и не болтун – просто обычный парень.

8

Я проснулся в шестом часу утра – видимо, от жажды. Просыпаясь в чужом доме, я всегда чувствую себя чужой душой, засунутой в чужое тело. Не выдержав, встал с узкой кровати, подошел к раковине у двери, выпил, как лошадь, несколько стаканов воды и снова лег.

В распахнутом окне виднелось море. Еще низкое солнце поблескивало в игравших волнах. Плавало несколько грузовых судов, скучающих и грязных. День обещал быть жарким. Окрестные дома спали – слышался только редкий

перестук колес по рельсам да тихая мелодия радиогимнастики.

Не одеваясь, я привалился к спинке кровати, закурил и посмотрел на девушку рядом. На ее тело из южного окна падали лучи солнца. Сбросив с себя легкое одеяло, она крепко спала. Дыхание то и дело учащалось, красивая грудь поднималась и опускалась. Загар уже сходил, становился спокойнее, и отчетливые следы от купальника причудливо белели, напоминая разлагающуюся плоть.

Я докурил и минут десять пытался вспомнить, как ее зовут. Безуспешно. Самое главное – не удавалось вспомнить, знал ли я вообще ее имя. Бросив напрягаться, я зевнул и еще раз посмотрел на нее. Чуть моложе двадцати, скорее худая, чем наоборот. Ладонью я измерил ее рост. Ладонь поместилась восемь раз, и до пятки еще остался один большой палец. Примерно 158 сантиметров.

Под правой грудью – родимое пятно с десятииеновую монету, похожее на каплю пролитого соуса. Мелкие волосы на лобке – как речная осока после наводнения. И, наконец, на левой руке – только четыре пальца.

9

Прошло часа три, и она проснулась. Ей понадобилось еще минут пять, и она начала улавливать связь вещей. Эти пять минут я сидел, сложив руки на груди, и следил, как тяжелое облако на горизонте ползет к востоку, постепенно меняя форму.

Оглянувшись, я увидел, что она закуталась по шею в одеяло и, борясь с похмельной отрыжкой, непонимающе смотрит на меня.

– Ты… кто?

– Не помнишь?

Она мотнула головой. Я закурил и предложил ей, но она не обратила внимания.

– Расскажи, а?

– С какого места?

– С самого начала.

Я не имел понятия, где находится «самое начало», и плохо представлял, с какими словами к ней подступиться. Выйдет, не выйдет?.. Поразмыслив секунд десять, начал:

– День был жаркий, но хороший. Днем я плавал в бассейне, потом вернулся домой, чуть вздремнул и поужинал. Шел девятый час. Я сел в машину и поехал покататься. Добрался до берега, включил радио и сидел, глядя на море. Я часто так делаю. Где-то через полчаса мне захотелось кого-нибудь увидеть. Когда долго смотришь на море, начинаешь скучать по людям, а когда долго смотришь на людей – по морю. Странно это. Короче, я решил пойти в «Джейз-бар». Во-первых, пива хотелось, а во-вторых, я там обычно встречал приятеля. Правда, его там не оказалось, и пришлось пить пиво в одиночку. За час выпил три бутылки.

Здесь я остановился, чтобы стряхнуть пепел.

– Кстати, ты не читала «Кошку на раскаленной крыше»[1 - Пьеса (1955) американского драматурга Теннесси Уильямса (1911–1983). – Здесь и далее примечания переводчика.]?

Она не ответила. Глядела в потолок, закутавшись в одеяло – как русалка, выброшенная на берег.

– Просто я, когда пью один, всегда эту вещь вспоминаю. Как там?.. «Кажется, вот-вот у меня в голове что-то щелкнет, и все наладится»… На самом деле, так не выходит. Не щелкает ничего. В общем, ждать я устал и позвонил ему домой. Хотел позвать выпить. А ответил женский голос. Я удивился – это совсем не в его стиле. Он хоть полсотни девок домой приведет и пьяный будет в ноль, но к телефону подойдет сам. Понимаешь?

Я сделал вид, что не туда попал, извинился и трубку повесил. Настроение как-то испортилось, даже не знаю, почему. Выпил еще бутылку. А оно не улучшается. Глупо, конечно, но бывает. Допил и зову Джея. Сейчас, думаю, расплачусь, поеду домой, узнаю результаты бейсбола и лягу спать. Джей мне говорит: иди умойся.

Он считает, что хоть ящик пива выпей, все равно можешь за руль садиться, если умоешься. Делать нечего – пошел в умывалку. По правде сказать, умываться я не собирался – так, вид делал. В той умывалке вечно труба забита, вода не уходит. Никакого удовольствия. Хотя вчера почему-то вода уходила. Только там другая беда стряслась – на полу ты валялась.

Она вздохнула и закрыла глаза.

– А дальше?

– Я тебя поднял, вывел, спросил, не знает ли тебя кто. Никто не знал. Потом мы с Джеем рану тебе обработали.

– Рану?

– Ты, когда падала, о какой-то угол головой ударилась. Да так, ничего страшного.

Она кивнула, выпростала руку из-под одеяла и коснулась ранки на лбу.

– Мы с Джеем обсудили, что с тобой делать. В конце концов, решили, что я отвезу тебя домой. Залезли к тебе в сумку, нашли бумажник, связку ключей и открытку. Я расплатился за тебя деньгами из бумажника и отвез по адресу на открытке. Открыл дверь твоим ключом и уложил тебя в постель. Вот и все. Счет в бумажнике.

Она глубоко вздохнула.

– А почему ты остался?

– ?

– Почему не уехал сразу, как меня уложил?

– У меня один приятель умер от острого алкогольного отравления. Выпил виски, всем сказал «пока», бодренько пошел домой, почистил зубы, надел пижаму и лег спать. А утром был уже холодный. Похороны ему закатили роскошные.

– И из-за этого ты остался сидеть со мной всю ночь?

– Вообще-то я собирался уйти часа в четыре. Но уснул. Утром проснулся и опять хотел уйти. Но не ушел.

– Почему?

– Ну, я подумал: надо же тебе рассказать, как дело было.

– С ума сойти, какое благородство!

Я вобрал голову в плечи, чтобы меня не забрызгало желчью, которой она старательно напитала эти слова. А потом стал смотреть на облака.

– Я вчера… что-нибудь говорила?

– Немножко.

– О чем?

– Да о разном… Я не помню. Ничего серьезного.

Она закрыла глаза и прочистила горло.

– А открытка?

– В сумке.

– Ты ее читал?

– Вот еще!

– Точно не читал?

– Да зачем мне ее читать?

Я произнес это с раздражением: что-то в ее словах меня задевало. Хотя, с другой стороны, что-то настраивало на мирный лад. Будило старые воспоминания. Познакомься мы в более естественной обстановке – наверное, смогли бы неплохо провести время. Так мне казалось. Но, сказать по совести, я уже и не помнил, как знакомятся с девушками в естественной обстановке.

– Сколько сейчас?

С некоторым облегчением я встал, взглянул на часы, лежавшие на столе, потом налил стакан воды и вернулся.

– Девять.

Она бессильно кивнула и осушила стакан.

– Я вчера много выпила?

– Прилично. Если я столько выпью, то умру.

– А я и умираю.

Она закурила, вздохнула, выпустив дым, – и вдруг кинула спичку в открытое окно.

– Одежду принеси.

– Какую?

Она закрыла глаза.

– Все равно. Только ничего не спрашивай, ради бога.

Я открыл шкаф, порылся в вещах, выбрал голубое платье без рукавов и подал ей. Она надела платье через голову на голое тело, сама застегнула молнию на спине и еще раз вздохнула.

– Мне пора.

– Куда?

– Да на работу…

Она сказала это, как сплюнула. Потом, пошатываясь, встала. Я все сидел на краю кровати и смотрел, как она умывается и причесывается.

Комната была прибрана, но лишь до известного предела, за которым наступает равнодушие, – здесь оно разливалось в воздухе и давило мне на нервы. Площадь в шесть татами[2 - Татами (соломенный мат) занимает около полутора квадратных метров и служит единицей измерения жилой площади.] была вся заставлена стандартной дешевой мебелью. Оставшегося места хватило бы на один матрац – именно там она стояла и расчесывала волосы.

– А что за работа?

– Тебя не касается.

В общем-то, конечно…

Я молча докуривал сигарету. Стоя спиной ко мне, она смотрела в зеркало и растирала кончиками пальцев тени под глазами.

– Времени сколько? – снова спросила она.

– Десять минут.

– Уже опаздываю. Ты тоже одевайся и иди домой. – Она сбрызнула одеколоном подмышки. – У тебя ведь есть дом?

– Есть, – буркнул я и натянул майку. Все еще сидя на кровати, глянул в окно. – Тебе куда ехать?

– В сторону порта. А что?

– Я тебя подброшу. Чтоб не опоздала.

Не выпуская щетки из руки, она уставилась на меня, чуть не плача. Если она поплачет, думал я, ей обязательно станет легче. Но она не заплакала.

– Слушай, что я тебе скажу, – сказала она. – Конечно, я перебрала и была пьяная. То есть какая бы дрянь со мной ни приключилась, отвечаю я сама.

Она деловито похлопала ручкой щетки по ладони. Я ждал, что она скажет дальше.

– Так или не так?

– Ну, так…

– Но спать с девушкой, когда она лишилась сознания – низость!

– Так я же ничего не делал…

Она чуть помолчала, точно сдерживаясь.

– Хорошо, а почему я тогда была голая?

– Сама разделась.

– Не верю!

Она бросила щетку на кровать и принялась засовывать в сумочку кошелек, помаду, таблетки от головной боли и другие мелочи.

– Вот ты говоришь, что ничего не делал. А доказать сможешь?

– Может, ты сама как-нибудь проверишь?

– А как?!

Казалось, она не на шутку сердится.

– Я тебе клянусь.

– Не верю!

– Придется поверить, – сказал я. И мне сразу стало неприятно.

Прекратив надоевший разговор, она вытолкала меня наружу, вышла следом и заперла дверь.

По асфальтовой дороге вдоль реки мы молча дошли до пустыря, где стояла моя машина. Пока я протирал салфеткой лобовое стекло, она обошла вокруг и недоверчиво уставилась на коровью морду, размашисто намалеванную белой краской на капоте. В носу у коровы было большое кольцо, а в зубах она держала белую розу и вульгарно ухмылялась.

– Это ты нарисовал?

– Нет, это еще до меня.

– А почему вдруг корова?

– И в самом деле, – сказал я.

Она отступила на два шага и еще раз посмотрела на коровью морду. Потом сжала губы, будто досадуя на то, что вдруг разговорилась, и села в машину.

Внутри была жара. До самого порта она молчала, вытирала полотенцем пот и без конца курила. Она делала три затяжки, внимательно смотрела на фильтр, словно проверяя, отпечаталась ли помада, а потом засовывала сигарету в пепельницу и доставала новую.

– Слушай, я опять насчет вчерашнего. Что я там говорила-то? – неожиданно спросила она, уже собираясь выйти из машины.

– Да разное…

– Ну хоть что-нибудь вспомни.

– Про Кеннеди.

– Кеннеди?

– Про Джона Ф. Кеннеди.

Она покачала головой и вздохнула:

– Ничего не помню.

Вылезая, она молча засунула за зеркало заднего вида бумажку в тысячу иен.

10

Стояла страшная жара. В раскаленном воздухе можно было печь яйца.

Я открыл тяжеленную дверь «Джейз-бара», по обыкновению навалившись на нее спиной, и глотнул кондиционированного воздуха. Застоявшиеся запахи табачного дыма, виски, чипсов, подмышек и канализации аккуратно накладывались друг на друга, как слои немецкого рулета.

Как обычно, я сел у дальнего конца стойки, прислонился к стене и оглядел публику. Три французских моряка в непривычной глазу форме, с ними две женщины, молодая парочка – и все. Крысы не было.

Я заказал пиво, а к нему сэндвич с мясом и кукурузой. Потом достал книгу, чтобы скоротать время до прихода Крысы.

Минут через десять вошла женщина лет тридцати в безобразно ярком платье. Ее налитые груди напоминали два грейпфрута. Она села через табурет от меня,

точно так же оглядела помещение и заказала себе «гимлет»[3 - «Гимлет» («Буравчик») – коктейль на основе джина или водки с соком лайма.]. Отпив глоток, встала и до одурения долго говорила по телефону. Затем перекинула через плечо сумочку и отправилась в уборную. За сорок минут это повторялось три раза. Глоток «гимлета», долгий телефонный разговор, сумочка, уборная.

Передо мной возник Джей.

– Задницу не протер еще? – кисло спросил он. Хоть и китаец, а по-японски он говорил гораздо лучше моего.

Третий раз вернувшись из уборной, женщина огляделась, скользнула на соседний табурет и тихо спросила:

– Простите, у вас мелочи не найдется?

Я кивнул, выгреб из кармана мелочь и высыпал на стойку. Тринадцать десятииеновых монет.

– Спасибо. Очень помогли. А то я бармену уже надоела – разменяй, да разменяй…

– Это вам спасибо, мне теперь тяжестей не таскать.

Она благодарно улыбнулась, проворно сгребла мелочь и убежала звонить.

Я захлопнул книгу. Попросил Джея поставить на стойку переносной телевизор и под пиво стал смотреть прямую трансляцию бейсбольного матча. Матч был серьезный. В одном только четвертом сете у двух питчеров отбили шесть подач, причем два хита принесли по очку. Один из полевых игроков, не выдержав позора, повалился на траву. Пока питчеров меняли, запустили рекламу. Шесть роликов подряд – про пиво, страхование, витамины, авиакомпанию, картофельные чипсы и гигиенические салфетки.

Отшитый дамами французский моряк остановился у меня за спиной со стаканом пива в руке и спросил по-французски, что я смотрю.

– Бейсбол, – ответил я по-английски.

– Бейсбол?

В двух словах я объяснил ему правила. Вот этот мужик кидает мячик, этот лупит по нему палкой; пробежал круг – заработал очко. Моряк минут пять пялился в телевизор, а когда началась реклама, спросил, почему в музыкальном автомате нет пластинок Джонни Холлидея.

– Непопулярен, – ответил я.

– А кто из французских певцов популярен?

– Адамо.

– Это бельгиец.

– Тогда Мишель Польнарефф.

– Merde.

Моряк отошел к своему столику.

Начался пятый сет, и женщина вернулась.

– Спасибо. Давай я тебя чем-нибудь угощу.

– Да зачем, не надо…

– Пока долг не верну, не успокоюсь – такой характер.

Приветливой улыбки у меня не вышло – я просто кивнул. Она поманила Джея: «Ему пиво, мне гимлет». Джей ответил тремя выразительными кивками и исчез за стойкой.

– Что, не приходит?

– Да как-то вот…

– Это женщина?

– Мужчина.

– Вот и ко мне не приходит. Похоже, да?

Я обреченно кивнул.

– Слушай, а на сколько я выгляжу?

– На двадцать восемь.

– Врешь.

– На двадцать шесть.

Она засмеялась.

– Да мне и не важно. А как по-твоему, я замужем или нет?

– А что мне будет, если угадаю?

– Там посмотрим.

– Замужем.

– Ну-у-у… Наполовину угадал. В прошлом месяце развелась. Ты когда-нибудь с разведенной встречался?

– Нет. Но зато я встречался с коровой, которая болела невралгией.

– Где?

– В университетской лаборатории. Мы ее впятером в аудиторию затолкали.

Она расхохоталась.

– Ты студент?

– Ага.

– Я тоже когда-то была. В шестидесятые. Хорошее было время…

– А где?

Не ответив, она хихикнула, глотнула гимлета и, точно вспомнив о чем-то, взглянула на часы.

– Опять звонить надо. – Она взяла сумочку и встала.

Мой вопрос повис в воздухе. Выпив половину пива, я подозвал Джея и расплатился.

– Убежать решил? – спросил он.

– Ну.

– Старше себя баб не любишь?

– Возраст тут ни при чем. Да, если Крыса появится, передай привет.

Когда я выходил из бара, женщина закончила телефонный разговор и в четвертый раз шла в уборную.

Всю дорогу домой я насвистывал где-то слышанную мелодию. Название никак не хотело вспоминаться. Совсем старая вещь. Машина стояла на берегу, и, глядя на ночное море, я все же попытался вспомнить название.

То была «Песенка клуба Микки-Мауса». С такими словами:

Вот какой веселый

Есть у нас пароль:

Эм-ай-си –

Кэй-и-уай –

эм-оу-ю-эс-и!

Наверное, и вправду время было хорошее.

11

Вкл

Привет! Всем добрый вечер! Как настроение? У меня настроение лучше некуда. Такое настроение, что половиной поделился бы с вами. Говорит радио «Эн-И-Би», программа «Попе по заявкам»! Сегодня суббота, и мы снова с вами до девяти вечера – целых два часа! Вы услышите массу самой разной музыки. Вы услышите грустные песни, ностальгические песни и веселые песни. Услышите песни, под которые хочется танцевать, песни, от которых хочется плеваться, и песни, от которых хочется блевать. Самые разные песни! Звоните нам. Наш номер вы знаете. Только не запутайтесь в цифрах. Не попадите не туда. Чтобы не вышла ерунда. Или еще какая-нибудь там беда. Эх, нескладно… Кстати: мы тут уже целый час принимаем ваши заявки. Десять телефонов – и ни минуты отдыха. Хотите послушать, как они трезвонят?

Услышали? Ужас, правда? В общем, звоните нам, пока пальцы не отвалятся. Кстати, на той неделе вы так здорово звонили, что у нас тут повылетали все пробки. Но теперь все в порядке. Мы вчера проложили специальный кабель. Не кабель, а слоновья нога. А раньше был не кабель, а какая-то кочерга. Опять нескладно… Короче, спокойно звоните нам до умопомрачения. Даже если у всех в студии помрачатся умы, пробки все равно не вылетят. Договорились? Сегодня на улице опять сущее пекло – так пусть его разгонит рок! Эта музыка для того и создана. Как и чудные наши девчонки. О’кей, первая песня! Просто

послушайте ее молча, это отличная вещь. Забудем о жаре! Итак, Брук Бентон, «Дождливая ночь в Джорджии»!

Выкл

……Уф-ф-ф-ф…… Жарища!…… Ужас!…….

……..А прохладнее уже никак?……Нет, это ад какой-то……Эй, кончай, я и без того потный……

….Во-во, так по кайфу.

…….Слушай, я пить хочу! Кто-нибудь, принесите холодной колы……Что? В сортир сбегать не успею? Ты моего пузыря не знаешь! У меня всем пузырям пузырь!……

……Спасибо, Митян, ты чудо…… Холодненькая!..

……..А открывашку не принесла?……

……Дура! Мне ее зубами открывать, что ли?

…… Ой, сейчас песня кончится, не успею!

Кончай свои идиотские шутки!..... ОТКРЫВАШКУ!!!

.....Черт!.....

Вкл

Замечательная песня, не правда ли? Настоящая музыка! Брук Бентон, «Дождливая Джорджия». По-моему, стало даже чуть прохладнее. Кстати, как вы думаете, какая сегодня температура? Тридцать семь градусов! Тридцать семь… Многовато даже для лета. Просто печка. Обниматься с девчонкой и то прохладнее, чем сидеть одному в тридцати семи градусах. Вы можете в это поверить? О’кей, хватит болтать! Ставим следующую. «Криденс Клиэуотер Ривайвл» с песней «Кто остановит дождь?». Поехали, бэйби!

Выкл

.....Эй, уже не надо. Я ее подставкой от микрофона открыл.....

.....О-о-о-о..... Кайф!.....

.....Не бойся. Не будет икоты. Не волнуйся.....

.....А как там бейсбол?.....Его, кстати, должны по другому каналу передавать.....

……Погоди, как это? В радиостудии нет ни одного приемника? В тюрьму сажать за такие дела!……

……Понял. Все. Короче, следующим будет пиво. Только чтоб еще холоднее……

……Ой, кажется, подступает… Сейчас икота начнется……

……Ик!……

12

В четверть восьмого раздался телефонный звонок.

В тот момент я сидел развалясь в плетеном кресле и трескал сырные крекеры, запивая их пивом.

– Эй, привет. Говорит радио «Эн-И-Би», передача «Попе по заявкам». Ты нас сейчас слушал?

Торопливым глотком я смыл крекеры, слипшиеся во рту.

– Радио?

– Да, радио. Порождение цивилизации.

…..Ик!…….Вершина технической мысли. Меньше холодильника, дешевле телевизора и точнее пылесоса. Ты сейчас чего делал?

– Книгу читал…

– Хи-хи-хи!.. Нашел занятие… Надо радио слушать! Когда читаешь, остаешься совсем один. Согласен?

– Ага…

– Вот, скажем, ждешь, пока спагетти сварятся, – в это время можно почитать. Понял?

– Ага…

– Ну ладно…….Ик!……C этим закончили. Теперь скажи: ты когда-нибудь слышал диктора, который не может побороть икоту?

– Нет.

– Значит, слышишь впервые. Впрочем, как и все, кто сейчас находится у радиоприемников. Кстати, ты вообще понимаешь, почему я тебе звоню из прямого эфира?

– Нет.

– Тут такое дело… От одной девушки поступила заявка……ик!…… исполнить для тебя песню. Знаешь, чья заявка?

– Нет.

– Песня называется «Девушки Калифорнии». Исполняют «Бич Бойз». Старая вещь. Ну, понял теперь?

Я немножко подумал и сказал, что не знаю.

– Хм-м-м… Трудно, да? Если угадаешь, пошлем тебе фирменную футболку. Вспоминай!

Я снова напрягся. На этот раз в дальних закоулках памяти удалось что-то подцепить.

– Ну?.. «Девушки Калифорнии», «Бич Бойз». Что тебе вспоминается?

– Лет пять назад я у своей одноклассницы брал такую пластинку.

– И что же это за одноклассница?

– Была учебная экскурсия, и она уронила контактную линзу. Я помог найти – и в благодарность она дала мне послушать пластинку.

– Так… Контактная линза… Да, а пластинку-то ты ей вернул?

– Нет, потерял…

– Ну-у-у, это не дело! Купи такую же и верни. Одно дело девчонкам чего-нибудь давать…….Ик!……. А другое дело брать! Понял?

– Да.

– Хорошо. Девушка, уронившая контактную линзу пять лет назад на учебной экскурсии! Конечно же, вы нас сейчас слушаете! Да, как ее зовут-то?

Я назвал имя.

– Так вот. Он говорит, что купит такую же пластинку и вам отдаст. Замечательно, не правда ли? Кстати, сколько тебе лет?

– Двадцать один.

– Прекрасный возраст! Студент?

– Да.

– ……..Ик!……..

– Что?

– Я говорю: специальность какая?

– Биология.

– О-о-о… Любишь животных?

– Люблю.

– А за что?

– …….Ну, может, за то, что они не смеются…

– Вот те на!.. Животные не смеются?

– Собаки и лошади немножко смеются.

– Хо-хо… А когда?

– Когда им весело.

Впервые за много лет я почувствовал раздражение.

– Так значит……..ик!……из собаки может комик получиться?

– Из вас точно может.

– Ха-ха-ха-ха-ха!..

13

«Девушки Калифорнии»

На Восточном Побережье

Стильных девушек полным-полно.

А на Юге есть такие – наповал тебя уложат!

У них походка, как в кино…

И ничем не хуже Средний Запад,

Где на фермах столько красоты,

А на Севере девчонки – целоваться мастерицы,

С ними не замерзнешь ты.

Но куда им всем до девушек Калифорнии!..

14

Футболка пришла через три дня по почте.

Вот такая:

15

На следующее утро я напялил обновку – она приятно покалывала тело – и пошел бродить по окрестностям порта. Мне встретился маленький магазин грампластинок, и я зашел. В магазине не было ни души – лишь девушка-продавщица сидела за стойкой и со скучающим видом проверяла чеки, отхлебывая из банки колу. Я поглядел на полки с пластинками и вдруг понял, что знаком с девушкой. Та самая, без мизинца – неделю назад она упала в умывалке у Джея.

– Привет! – сказал я. Опешив, она поглядела на меня, потом на футболку – и допила остатки колы.

– Как ты узнал, что я здесь работаю?

– Чистая случайность. Пластинку зашел купить.

– Какую?

– «Бич Бойз». С «Девушками Калифорнии».

Подозрительно взглянув на меня, она встала, сделала три шага к полке и, как хорошо выдрессированная собака, вернулась с пластинкой.

– Вот эта пойдет?

Я кивнул и, не вынимая рук из карманов, оглядел магазин.

– Еще Бетховена. Третий фортепианный концерт.

Она принесла две пластинки.

– В чьем исполнении, Глена Гульда или Бак-хауза?

– Глена Гульда.

Она положила пластинку на стойку, другую отнесла обратно.

– Что-нибудь еще?

– Майлза Дэвиса. Где есть «Девушка в ситце».

На этот раз она искала дольше – но тоже нашла.

– Что дальше?

– Пожалуй, все. Спасибо.

Она разложила на стойке три пластинки.

– И ты все это будешь слушать?

– Нет, это для подарков.

– Широкая у тебя натура.

– Казалось бы…

Она неловко повела плечами и назвала цену, 555 иен. Я заплатил и взял пакет с пластинками.

– Вот как получается… Благодаря тебе я сегодня три пластинки до обеда продала.

– Замечательно.

Она вздохнула, села за стойку и взялась за следующую стопку чеков.

– Ты тут все время одна сидишь?

– Еще одна девушка есть. Сейчас на обеде.

– А ты?

– Она вернется и меня сменит.

Вытащив из кармана сигареты и закурив, я смотрел на ее работу.

– Слушай, может, нам вместе пообедать?

Она оторвала взгляд от чеков и покачала головой:

– Я люблю обедать одна.

– И я люблю.

– И ты?

Она поморщилась, отодвинула чеки и поставила на проигрыватель последнюю пластинку «Харперз Бизарр».

– Чего это ты меня приглашаешь?

– Надо изредка нарушать традицию.

– Нарушай один. Хватит ко мне приставать.

Она придвинула к себе стопку чеков и снова взялась за работу.

Я кивнул.

– Кажется, я тебе уже говорила – ты негодяй, – сказала она. Потом поджала губы и с треском прошлась четырьмя пальцами по обрезу стопки.

16

Когда я вошел в «Джейз-бар», Крыса, облокотясь на стойку и нахмурясь, читал роман Генри Джеймса с телефонную книгу толщиной.

– Интересно?

Крыса оторвался от книги и покачал головой.

– Не очень. Хотя я сейчас только и делаю, что читаю. После того разговора. «Убогой правде я предпочту красивую ложь». Слышал такое?

– Нет.

– Роже Вадим. Французский кинорежиссер. А вот еще: «Развитый интеллект состоит в успешном функционировании при одновременном охвате противоположных понятий».

– А это чье?

– Не помню. А ведь похоже на правду?

– Не похоже.

– Почему?

– Ну, вот скажем, ты просыпаешься голодный в три часа ночи и лезешь в холодильник – а там пусто. И что ты тогда будешь делать со своим развитым интеллектом?

Крыса немного подумал и расхохотался. Я позвал Джея и заказал пива с жареной картошкой. Потом достал пакет с пластинкой и вручил Крысе.

– Это что такое?

– Подарок ко дню рождения.

– Он у меня через месяц.

– Через месяц меня уже не будет.

Не выпуская из рук пакета, Крыса задумался.

– Да?.. Жалко, что тебя не будет. – Он открыл пакет и некоторое время смотрел на пластинку.

– Бетховен. Концерт для фортепиано с оркестром номер три. Глен Гульд, Леонард Бернстайн. Хм-м-м… Я этого не слышал. А ты?

– Я тоже.

– Ну спасибо… Вообще говоря, я очень рад.

Я искал ее три дня. Девчонку, которая дала мне пластинку «Бич Бойз».

Зайдя в дирекцию школы, я попросил список выпускников и нашел номер ее телефона. Но позвонить по нему не удалось – автомат ответил, что номер больше не действителен. Я позвонил в справочную – телефонистка пять минут искала ее имя, после чего сказала, что такого имени в ее книгах нет. «Такого имени» – это мне понравилось. Я поблагодарил и повесил трубку.

На следующий день я звонил бывшим одноклассникам и спрашивал, не знают ли они что-нибудь про нее. Никто ничего не знал, а большинство и вовсе не помнило о ее существовании. Последний из них сказал, что не желает со мной разговаривать, и повесил трубку. Даже не знаю, почему.

На третий день я еще раз сходил в школу и узнал, куда она поступила после выпуска. Захудалый женский вуз где-то на окраине, отделение английского языка. Я позвонил туда, представившись агентом по сбыту салатной приправы «Маккормик»: мол, девушка нужна мне для анкетного опроса, не могли бы вы сообщить ее адрес и телефон? Извините, конечно, но дело крайне важное. Поищем, ответили мне, перезвоните минут через пятнадцать. Я выпил банку пива и перезвонил. Мне сообщили, что в марте этого года она подала на отчисление. По болезни. А что за болезнь? – Она уже поправилась? – Салат может кушать? – Совсем ушла, не в академку? – на все эти вопросы ответов я не получил.

– Меня и старый адрес устроит, – сказал я. – Может, вы поищете?

Старый адрес нашли – пансион недалеко от вуза. Я позвонил туда. Ответил, судя по голосу, комендант. Съехала весной, куда – не знаю, – буркнул он и бросил трубку. Точно хотел сказать: «И знать не желаю».

Так порвалась последняя ниточка от нее ко мне.

Я вернулся домой, открыл банку пива и стал слушать «Девушек Калифорнии».

18

Зазвонил телефон.

Я полудремал в плетеном кресле с раскрытой книгой. Только что прошел короткий ливень – деревья в саду вымокли. После дождя задул сырой, пахнущий морем южный ветер. Задрожали листья растений в горшках на веранде, а следом задрожали шторы.

– Алло, – прозвучал женский голос. Будто кто-то ставил хрупкий стакан на кособокий стол. – Помнишь меня?

Я изобразил легкое раздумье.

– Как пластинки? Продаются?

– Да не очень… Кризис… Пластинки никто не слушает.

– Ага.

Она побарабанила ногтями по трубке.

– Пока нашла твой телефон, чуть с ума не сошла.

– Да?..

– В «Джейз-баре» спросила. А бармен спросил у твоего друга. Высокий такой и странный немножко. Мольера читал.

– Понятно.

Молчание.

– Все спрашивали, куда ты делся. Неделю не приходишь, так они уже думают: может, заболел?

– Даже не знал, что меня так любят…

– Ты на меня сердишься?

– Почему?

– Я тебе гадостей наговорила. Хотела извиниться.

– Насчет меня не беспокойся. Но если тебя это так волнует, то не покормить ли нам в парке голубей?

Она вздохнула, и я услышал, как щелкнула зажигалка. На заднем плане пел Боб Дилан – «Нэшвилльский горизонт». Наверное, звонит из магазина.

– Да дело вообще не в тебе. Просто я не должна была так говорить, – торопливо сказала она.

– А ты к себе строга.

– Ну, стараюсь, по крайней мере.

Она помолчала.

– Сегодня мы можем встретиться?

– Давай.

– «Джейз-бар», восемь вечера.

– Хорошо.

– Я просто… попала в переплет.

– Понимаю.

– Спасибо.

Она повесила трубку.

19

Мне двадцать один год. Говорить об этом можно долго.

Еще молодой, но раньше был моложе. Если не нравится, можно дождаться воскресного утра и прыгнуть с крыши «Эмпайр-Стейт-Билдинг».

В одном старом кино про Великую Депрессию я слышал такую шутку:

«Когда я прохожу под Эмпайр-Стейт-Билдинг, всегда открываю зонтик. Люди сверху так и сыпятся».

Мне двадцать один, и помирать я пока не собираюсь. Спать же мне доводилось с тремя девчонками.

Первая училась со мной в одном классе. Нам было по семнадцать лет, и мы решили, что любим друг друга. Ближе к вечеру забирались поглубже в лес; она сбрасывала коричневые туфли, белые носки, светло-зеленое платье и странные трусы, явно не по размеру. Потом, чуть поколебавшись, – часы. И мы обнимались на воскресном номере «Асахи Симбун».

Через какую-то пару месяцев после окончания школы мы вдруг расстались. Причину забыл – такая была причина, что и не вспомнишь. С тех пор не встречался с ней ни разу. Иногда вспоминаю, когда не спится, – и все.

Вторая девчонка хипповала. Шестнадцатилетняя, без гроша в кармане, без крыши над головой и к тому же плоскогрудая – глаза при этом у нее были умными и красивыми. Я встретил ее у станции метро «Синдзюку», когда там бурлила мощная демонстрация, парализовавшая все движение вокруг.

– Будешь тут торчать, полиция заберет, – сказал я ей. Она сидела на корточках между стойками перекрытого турникета и читала спортивную газету, выуженную из мусорного ящика.

– Пусть забирают, – сказала она. – Там кормят.

– Ну ты даешь!

– Привыкла.

Я закурил и угостил сигаретой ее. От слезоточивого газа щипало в глазах.

– Ты ела сегодня?

– Утром…

– Слушай, я тебя накормлю. Пошли к выходу.

– Чего это ты будешь меня кормить?

– Ну… – Я не знал, что ответить, но выволок ее из турникета и повел по перекрытой улице в сторону Мэдзиро.

Эта до крайности неразговорчивая девица жила в моей квартире с неделю. Каждый день просыпалась к обеду, что-то ела, курила, листала книжки, пялилась в телевизор, а иногда без видимой охоты занималась со мной сексом. Все, что у нее было, – лишь белая холщовая сумка, а в ней плотная ветровка, две майки, джинсы, три пары грязных трусов и коробка тампонов.

– Ты откуда? – спросил я ее как-то раз.

– Да ты не знаешь, – только и ответила она.

В один прекрасный день я вернулся из магазина с мешком продуктов, а ее и след простыл. И ее белой сумки тоже. И еще кое-чего. На столе лежала горстка мелочи, пачка сигарет и моя свежевыстиранная футболка. А еще записка, нацарапанная на клочке бумаги. Из одного слова: «противный». Боюсь, про меня.

С третьей своей подружкой, студенткой французского отделения, я познакомился в университетской библиотеке. На весенних каникулах

следующего года она повесилась в чахлой рощице у теннисного корта. Труп обнаружили лишь к началу следующего семестра, а до того он целых две недели болтался на ветру Теперь, когда темнеет, к рощице никто не подходит.

20

Она сидела в неловкой позе за стойкой «Джейз-бара» и болтала соломинкой в стакане джинджер-эля, гоняя по дну остатки льда.

– Уже думала, не придешь, – облегченно вздохнула она, когда я сел рядом.

– Я ведь обещал. Просто дела задержали.

– Какие дела?

– Обувь. Я чистил обувь.

– Вот эту, что ли? – Она подозрительно покосилась на мои кеды.

– Да нет, отцовскую обувь! У нас в семье традиция. Дети непременно должны чистить отцу ботинки.

– Почему?

– Ну… Ботинки – это ведь некий символ. Представь: отец, как приговоренный, каждый вечер в восемь возвращается домой. Я чищу ему ботинки и со спокойной совестью иду пить пиво.

– Хорошая традиция…

– Да?

– Ну конечно! Отца ведь надо уважать.

– Я очень уважаю. За то, что у него только две ноги.

Она прыснула.

– У тебя замечательная семья.

– Да уж… Если забыть про деньги, то такая замечательная, что хоть плачь.

Она все возила соломинкой по дну стакана.

– Ну, моя-то семья была еще беднее.

– Откуда ты знаешь, кто беднее?

– По запаху. Богатый чует богатого, а бедный – бедного.

Джей принес бутылку пива, и я налил себе.

– Где твои родители живут?

– Не хочу говорить.

– Почему?

– Приличные люди не любят рассказывать другим, что у них дома творится.

– А ты – приличный человек?

Она думала секунд пятнадцать.

– Хотелось бы стать. Если серьезно. А кому не хотелось бы?

– Нет, ты все-таки расскажи.

– Зачем?

– Во-первых, ты все равно должна об этом кому-нибудь рассказать, а во-вторых, я не проболтаюсь.

Она улыбнулась, закурила и три раза выпустила дым, молча разглядывая древесные волокна на стойке.

– Отец умер пять лет назад от опухоли в мозгу. Целых два года мучился, просто ужас. Мы на него все деньги истратили, начисто. Вдобавок вымотались до того, что семья развалилась. Хотя это обычное дело.

Я кивнул.

– А мать?

– Живет где-то. На Новый год открытки присылает.

– Не любишь ты ее, похоже?

– Похоже…

– А братья, сестры?

– Одна сестра. Мы близнецы.

– И где она?

– За тридцать тысяч световых лет отсюда.

Она нервно засмеялась и положила свой стакан на бок.

– И чего это я про семью гадости говорю? Даже тоскливо становится.

– Да ничего особенного. У каждого есть что-нибудь такое.

– И у тебя есть?

– И у меня. Бывает, обниму любимую игрушку – и плачу…

– А какая у тебя любимая игрушка?

– Крем для бритья.

Тут она засмеялась уже веселее. Как не смеялась, наверное, уже несколько лет.

– Слушай, – сказал я, – что ты пьешь какой-то лимонад? У тебя сухой закон?

– Хм, вообще-то я сегодня не собиралась… Ну ладно, уговорил.

– Так что ты будешь?

– Белое вино, только похолоднее.

Я подозвал Джея и заказал еще пива и белого вина.

– Скажи, а как себя чувствуешь, когда есть близнец?

– Странное ощущение. Одинаковое лицо, одинаковый коэффициент интеллекта, одинаковый размер лифчика… Надоедает.

– Вас часто путали?

– Часто. До восьми лет. Потом у меня стало девять пальцев, и нас больше никто не путал.

Сосредоточенно и аккуратно, как пианистка перед концертом, она положила рядышком обе руки. Я взял левую, поднес к свету и внимательно рассмотрел. Маленькая рука, прохладная, как стакан с коктейлем. Четыре пальца на ней смотрелись красиво и совершенно естественно – будто их и было четыре с самого рождения. Такая естественность казалась чудом. По крайней мере, шесть пальцев выглядели бы куда менее убедительно.

– В восемь лет я сунула мизинец в мотор пылесоса. Оторвало тут же.

– А где он теперь?

– Кто?

– Мизинец.

– Не помню. – Она засмеялась. – Такого вопроса мне еще не задавали, ты первый.

– А беспокоит, когда мизинца нет?

– Если перчатки надеваю – беспокоит.

– И всё?

Она покачала головой:

– Нельзя сказать, что совсем не беспокоит. Но не больше, чем других – толстая шея или волосы на ногах.

Я кивнул.

– А ты чем занимаешься? – спросила она.

– В университете учусь. В Токио.

– На каникулы приехал?

– Ага.

– И что изучаешь?

– Биологию. Животных люблю.

– Я тоже люблю.

Допив пиво, я взял горсть картофельных чипсов.

– А вот знаешь… В Бхагалпуре был знаменитый леопард – за три года он съел триста пятьдесят индусов.

– Неужели?

– Далее: английский полковник Джим Корбетт по прозвищу «Гроза леопардов» за восемь лет застрелил, считая этого, сто двадцать пять леопардов и тигров. А ты все равно будешь любить животных?

Она потушила сигарету, отпила вина и восхищенно посмотрела на меня:

– Нет, ты оригинал!

21

Пару недель спустя после смерти моей третьей подруги я читал «Ведьму» Жюля Мишле[4 - Жюль Мишле (1798–1874) – французский историк, автор многотомной «Истории Франции». В книге «Ведьма» (1862) выступил защитником женщин, преследовавшихся церковью за колдовство.]. Великолепная книга. Там был такой пассаж:

«Верховный судья Реми Лоренский отправил на костер восемьсот ведьм и очень гордился своей политикой устрашения. Один раз он сказал: «Я славен своей справедливостью настолько, что шестнадцать схваченных на днях пленниц удавились сами, не дожидаясь палача».

«Я славен своей справедливостью»… Просто потрясающе!

22

Зазвонил телефон.

Я не мог оторваться от важного занятия: протирал специальным лосьоном лицо, докрасна обожженное солнцем в бассейне. Лишь на десятом звонке смахнул с лица ватные разводы в решеточку, поднялся со стула и взял трубку.

– Здравствуй, это я.

– Привет.

– Ты что сейчас делал?

– Ничего.

Все лицо горело; я вытер его висевшим на шее полотенцем.

– Спасибо за вчерашний вечер. Давно так не отдыхала.

– Это хорошо.

– М-м-м… Ты мясо любишь?

– Люблю.

– Я тут столько натушила, что мне и за неделю не съесть. Поможешь?

– Чего б не помочь.

– Тогда через час приходи. Если опоздаешь, выкину все в помойное ведро. Понял?

– Ага.

– Просто я ждать не люблю.

Она бросила трубку, не дав мне даже раскрыть рта.

Я повалился на диван и минут десять глядел в потолок, слушая по радио хит-парад. Потом залез под душ и чисто выбрился. Надел рубашку и бермуды только что из химчистки. Вечер стоял замечательный. Я проехал вдоль морского берега, любуясь закатом, а перед самым выездом на шоссе купил две бутылки охлажденного вина и пачку сигарет.

Пока она освобождала стол и расставляла на нем посуду, я откупорил бутылку ножом для фруктов. Всю комнату заволокло горячим паром тушеного мяса.

– Даже не думала, что будет так жарко. Просто ад какой-то…

– В аду жарче.

– Ты что, там был?

– Люди рассказывают. Когда там становится жарко до того, что крыша едет, тебя переводят в место попрохладнее. Чуть отойдешь – и опять в пекло.

– Как в сауне.

– Именно. Но есть и такие, которых обратно не посылают, потому что они уже чокнулись.

– И что с ними делают?

– Отправляют в рай. Стены белить. В раю ведь как – стены должны быть идеально белые. Чуть какое пятнышко, уже непорядок. Это ведь рай! Вот они и белят их с утра до вечера, портят себе бронхи.

Больше она вопросов не задавала. Я выудил кусочки пробки, плававшие в бутылке, и разлил вино по стаканам.

– Холодное вино – горячее сердце, – сказала она вместо тоста.

– Это откуда?

– Из рекламы. Холодное вино – горячее сердце. Не видел?

– Нет.

– Телевизор не смотришь?

– Редко. Раньше часто смотрел. Больше всего нравилось кино про Лэсси. Пока самая первая собака играла.

– Ну да, ты ведь животных любишь.

– Ага.

– Если б у меня время было, я бы с утра до вечера смотрела. Все подряд. Вот, скажем, вчера показывали диспут между биологом и химиком. Не видел?

– Нет.

Она отпила вина и покачала головой, как бы вспоминая.

– Там было про Пастера. Он обладал силой научной интуиции.

– Силой Научной Интуиции?

– Ну, короче… Обычно ученые рассуждают так: А равно В, а В равно С – значит, А равно С. Что и требовалось доказать. Правильно?

Я кивнул.

– А Пастер был не такой. У него в голове только и было, что А равно С. Без всяких доказательств. Его правоту доказала история. Он за свою жизнь сделал несчетное множество ценнейших открытий.

– Ну да, прививки от оспы…

Она поставила стакан на стол и посмотрела на меня с негодованием.

– Прививки от оспы – это Дженнер! Как ты в университет-то поступил?

– А, вспомнил: антитела! И низкотемпературная стерилизация.

– Правильно.

Она торжествующе рассмеялась, не показывая зубов. Допила вино и налила себе еще.

– В диспуте эту способность называли научной интуицией. У тебя такая есть?

– Практически нет.

– А если б была?

– Ну, наверное, пригодилась бы для чего-нибудь. Например, когда с девчонкой спишь, может понадобиться.

Она засмеялась и ушла на кухню. Вернулась с кастрюлей тушеного мяса, миской салата и нарезанной булкой. Из широко раскрытого окна повеяло, наконец, прохладой.

Мы принялись не спеша ужинать под пластинку. Она задавала вопросы – в основном про университет и жизнь в Токио. Разговор выходил не самый содержательный. Про эксперименты на кошках («Мы их не убиваем, ты что! Это психологические опыты!» – врал я, за два месяца умертвивший тридцать шесть кошек и котят), про демонстрации и забастовки… Был показан зуб, сломанный полицейским.

– А отомстить ему ты не хочешь? – спросила она.

– Вот еще…

– Почему? Я бы на твоем месте его отыскала и все зубы повыбивала молотком.

– Во-первых, я – это я. Во-вторых, дело давнее. А в-третьих, у них там все рожи одинаковые – как я его найду?

– Выходит, и смысла нет?

– Какого смысла?

– Что тебе зуб выбили?

– Выходит, что нет.

Она разочарованно замычала и отправила в рот кусок мяса.

После кофе мы вместе вымыли на тесной кухне посуду, вернулись к столу и закурили под «Modern Jazz Quartet».

На ней были просторные шорты и рубашка из тонкой ткани, сквозь которую отчетливо проглядывали соски. Вдобавок наши ноги несколько раз сталкивались под столом – и я все больше краснел.

– Как ужин? Понравился?

– Очень.

Она слегка прикусила нижнюю губу.

– Почему ты сам ничего не говоришь, пока тебя не спросят?

– Да как-то… Привычка… Вечно забываю сказать самое важное.

– Можно дать тебе совет?

– Давай.

– Избавляться надо от такой привычки. Она может тебе дорого стоить.

– Да, наверное. Но это как машина со свалки: что-нибудь одно выправишь, сразу другое в глаза бросается.

Она рассмеялась и поставила другую пластинку – теперь запел Марвин Гэй. Стрелки часов подходили к восьми.

– А ботинки что – сегодня можно не чистить?

– Перед сном почищу. Вместе с зубами.

За разговором она поставила на стол худенькие локти, поудобнее положила на руки подбородок и уставилась на меня. Это нервировало. Чтобы отвести глаза, я закуривал, несколько раз с напускным интересом устремлял взгляд в окно – но, наверное, становился от этого только смешнее.

– Вот теперь можно и поверить, – сказала она.

– Во что?

– В то, что ты тогда ничего со мной не делал.

– Почему ты так думаешь?

– Рассказать?

– Не надо.

– Так и знала. – Она усмехнулась, налила мне вина и вдруг посмотрела в темноту за окном, будто что-то вспомнив. – Я иногда вот о чем думаю: хорошо бы жить, никому не мешая! Как по-твоему, это возможно?

– Даже не знаю…

– Ну вот скажи: я тебе не мешаю?

– Абсолютно.

– Я имею в виду – сейчас.

– Ну да, сейчас.

Она робко протянула руку через стол, взяла мою и, подержав некоторое время, отпустила.

– Завтра уезжаю.

– Куда?

– Еще не решила. Хочу куда-нибудь, где тихо и прохладно. На недельку.

Я кивнул.

– Как вернусь, позвоню.

* * *

Ведя машину домой, я вдруг вспомнил свое первое свидание. Семь лет назад. От начала свидания и до его конца я как будто задавал ей один и тот же вопрос: «Тебе не скучно?»

Мы смотрели кино с Элвисом Пресли в главной роли. Там была песня с такими словами:

Мы были в ссоре,

И я послал письмо.

Просил прощенья,

Но не дошло оно.

Пришло обратно,

Пришло назад.

Неточен адрес,

Неверен адресат…

Время течет слишком быстро.

23

Третья девчонка, с которой я спал, называла мой пенис «raison d’etre». «Смысл жизни».

* * *

Когда-то я хотел написать небольшое эссе про человеческие raisons d’etre. Написать не написал, но пока обдумывал, завел себе замечательную привычку – все на свете переводить в численный эквивалент. Эта привычка не отпускала меня месяцев восемь. Когда я ехал в электричке, пересчитывал пассажиров. Когда шел по лестнице – считал ступеньки. А когда совсем нечем было заняться, измерял себе пульс. Согласно записям, за это время – а именно, с пятнадцатого августа 1969 года по третье апреля следующего – я посетил 358 лекций, совершил 54 половых акта и выкурил 6921 сигарету.

Я всерьез полагал тогда, что подобные численные эквиваленты о чем-то могут поведать людям. А коль скоро существует это «что-то», о чем они поведают, то, со всей очевидностью, существую и я! Оказалось однако, что в действительности людям нет никакого дела до числа сигарет, которые я выкурил, или количества ступенек, на которые я поднялся. Им нет дела даже до размеров моего пениса. Так я потерял из виду свои raisons d’etre и остался совсем один.

* * *

Узнав о ее смерти, я выкурил 6922-ю сигарету.

24

В тот вечер Крыса не выпил ни капли пива. Тревожный знак. Вместо пива он заглотнул в один присест пять порций виски со льдом.

Мы убивали время за пинболом, который примостился в полутемном дальнем углу. За известное количество мелочи эта хреновина предоставляет известное количество убитого времени. Крыса, однако, ко всему относился серьезно. Так что две мои победы в шести играх были едва ли не чудом.

– Эй, чего с тобой случилось-то?

– Ничего, – отвечал Крыса.

Вернувшись к стойке, мы выпили – я пива, он виски. Затем принялись слушать одну за другой пластинки из музыкального автомата, все подряд – молча, не обмениваясь ни словом. «Everyday People», «Woodstock», «Spirit in the Sky», «Hey There, Lonely Girl»…

– У меня к тебе просьба, – сказал Крыса.

– Какая?

– Да встретиться кое с кем надо…

– С женщиной?

Чуть помявшись, он кивнул.

– А я при чем?

– Кого же мне еще просить? – пробормотал Крыса и отхлебнул от шестой порции. – Костюм и галстук у тебя есть?

– Есть. Только…

– Тогда завтра в два. Слушай, а бабы – они вообще что едят?

– Подметки от ботинок.

– Да ну тебя…

25

Любимым блюдом Крысы были свежеиспеченные оладьи. Он накладывал их сразу по нескольку в глубокую тарелку, разрезал ножом на четыре части и выливал сверху бутылку кока-колы.

Когда я впервые попал к Крысе домой, он как раз поглощал это неаппетитное блюдо за столом, выставленным на воздух, под ласковые лучи майского солнца.

– Такая жратва хороша тем, – объяснил он мне, – что объединяет свойства еды и питья.

В обширном, густом саду собирались птицы всевозможных видов и расцветок. Они усердно клевали попкорн, в изобилии рассыпанный на лужайке.

26

Хочу рассказать о своей третьей подружке.

Рассказывать про людей, которых больше нет, всегда трудно. А про женщин, умерших в юности, – еще труднее. Они ведь навсегда остались молодыми…

А мы, оставшиеся жить, стареем. Каждый год, каждый месяц и каждый день. Мне иногда кажется, что я старею каждый час. И, что самое страшное, – так оно и есть.

* * *

Она была далеко не красавица. Хотя что значит – «не красавица»? Правильнее будет сказать так: «Она не была красавицей в подобающей ей мере».

У меня есть только одна ее фотография. На обороте подписано: «август 1963 г.». Год, когда продырявили голову президенту Кеннеди. Морская дамба в каком-то дачном месте – она сидит и натянуто улыбается. Волосы подстрижены коротко, под Джин Себерг[5 - Джин Себерг (1938–1979) – американская киноактриса.] (хотя, признаться, мне эта прическа больше напоминала Освенцим), длинное платье в красную клетку… На фотографии она неуклюжа – и красива. Той красотой, что пробивает душу насквозь.

Приоткрытые губы. Слегка вздернутый нос. Небрежная челка – явно сама подрезала. Чуть припухшие щеки, и на одной – едва заметный прыщик…

На фотографии ей четырнадцать. Самое красивое мгновение ее жизни, уместившейся в двадцать один год. Можно только гадать, куда потом все ушло. По какой причине, с какой целью… Я не знаю. И никто не знает.

* * *

«Я поступила в университет, чтобы получить небесное откровение», – сказала она как-то раз на полном серьезе. Дело было в четвертом часу утра, мы лежали голые в постели. Я поинтересовался, что это за штука – небесное откровение.

«Разве такое можно объяснить?» – сказала она. И чуть позже добавила: «Оно спускается с неба, как крылья ангелов».

Я попытался вообразить крылья ангелов, спускающиеся с неба прямо в университетский двор. Издалека они напоминали бумажные салфетки.

* * *

Почему она умерла, не ясно никому. Мне сдается даже, что она и сама этого толком не понимала.

27

Мне снился неприятный сон.

Я был большой черной птицей и летел над джунглями к западу. На мои крылья налипли черные сгустки крови из глубокой раны. Западный склон неба затягивали черные тучи. Пахло мелким дождем.

Снов я давно не видел. Даже не сразу понял, что это сон.

Вскочив с кровати и смыв под душем липкий пот, я позавтракал тостами и яблочным соком. От табака и пива в горле першило, словно туда напихали старой ваты. Поставив посуду в мойку, я достал из гардероба легкий костюм болотного цвета, выглаженную рубашку и черный галстук, отнес все это в гостиную и уселся перед кондиционером.

В теленовостях торжественно обещали самый жаркий день за все лето. Я выключил телевизор, сходил в комнату к брату, выбрал несколько книг из огромной горы и завалился с ними на диван.

Два года назад мой старший брат без объявления причин уехал в Америку, оставив кучу книг и одну подругу. Я с ней иногда обедал. Она говорила, что мы с братом очень похожи.

– В чем? – удивлялся я.

– Во всем, – отвечала она.

Может, так оно и есть. Думаю, все дело в ботинках, которые мы по очереди чистили десять с лишним лет.

Часы показали двенадцать. С отвращением думая о жаре, я завязал галстук и надел пиджак.

Времени была уйма, а заняться нечем. Я не спеша проехался по городу на машине. Мой неказистый город тянулся от моря к горам. Речка, теннисный

корт, поле для гольфа, вереница просторных особняков, стена, еще раз стена, несколько аккуратных ресторанчиков и лавочек, старая библиотека, заросшее ослинником поле и парк с обезьяньими клетками. Город не менялся.

Я покружил по извилистой загородной дороге и спустился по речному берегу к морю. Недалеко от устья вылез из машины, чтобы размяться. На теннисном корте перекидывались мячиком две загорелые девушки в белых кепках и темных очках. Солнце, перевалив зенит, припекло еще нещаднее – а они все махали ракетками, и капли пота с них разлетались по всему корту.

Поглядев на них минут пять, я вернулся в машину, откинулся в кресле и закрыл глаза. Лениво слушал шум волн и стук ракеток. Прилетел слабый южный ветерок, принес запах моря и горячего асфальта. Я вспомнил далекое лето. Тепло девичьей кожи, старый рок-н-ролл, рубашка только что из стирки, сигаретный дым в раздевалке бассейна, неясные предчувствия… Сладкий сон – казалось, он будет повторяться вечно. Но как-то раз лето наступило (в каком же году?) – а сон взял и не вернулся.

Ровно в два я остановился перед «Джейз-баром». Крыса сидел на дорожном ограждении и читал Казандзакиса – «Последнее искушение Христа».

– А где подруга? – спросил я.

Крыса молча захлопнул книгу, влез в машину и надел темные очки.

– Не будет подруги.

– Как не будет?

– А вот так.

Я вздохнул, развязал галстук, кинул его вместе с пиджаком на заднее сиденье и закурил.

– И что, мы поедем куда-нибудь?

– В зоопарк.

– Ну, хорошо…

28

Расскажу теперь о своем городе. О городе, где я родился, вырос и первый раз спал с девчонкой.

Спереди – море, сзади – горы, сбоку – огромный порт. Городишко крохотный. Когда, возвращаясь из порта, выруливаешь на шоссе, даже закуривать нет смысла. Не успеешь чиркнуть спичкой, как уже приехал.

Население – семьдесят тысяч с небольшим. Цифра пятилетней давности, но с того времени едва ли поменялась. Средняя семья живет в двухэтажном доме с садом, имеет автомобиль, иногда два.

Цифры эти выдумал не я – их оглашает статистический отдел мэрии в конце финансового года. Особенно мне нравится насчет двухэтажных домов.

Крыса жил в трехэтажном доме с оранжереей на крыше. В подземном гараже его «TR-3»[6 - «Triumph TR-3» – марка английского спортивного автомобиля.] дружески соседствовал с отцовским «мерседесом».

Что удивительно, единственным душевным местом в доме был гараж. Огромный – он мог бы служить ангаром для небольшого самолета. Заставленный телевизорами и холодильниками, столами и диванами, сервантами и стереосистемами – устаревшими или просто надоевшими. Мы выпили там немало пива.

Про отца Крысы я почти ничего не знаю. И не видел его ни разу. Когда я спрашивал Крысу об отце, он со всей определенностью отвечал: «Гораздо старше меня, и при этом мужик».

По слухам, отец Крысы когда-то давно, еще до войны, был небогат. Перед самой войной он ухитрился завладеть химико-фармацевтическим заводом и занялся продажей мази от насекомых. Никто толком не знал, насколько она эффективна,

но линия фронта катилась на юг, и мазь начала продаваться столь же стремительно.

По окончании войны он убрал мазь в кладовые и стал продавать подозрительные питательные препараты, а после войны в Корее переключился на бытовые моющие средства. Причем поговаривали, что ингредиенты везде оставались одинаковыми. Очень может быть.

Двадцать пять лет назад трупы японских солдат, густо покрытые мазью от насекомых, лежали штабелями по джунглям Новой Гвинеи. А сегодня в каждом сортире – средство для прочистки труб, все той же торговой марки.

Вот так отец Крысы и разбогател.

Конечно, среди моих приятелей был и парень из бедной семьи. Отец у него водил городской автобус. Бывают, наверное, и богатые водители автобусов – но отец моего приятеля относился к бедным. Я часто приходил к приятелю в гости – родителей дома никогда не было. Отец крутил свою баранку или сидел на ипподроме, а мать целыми днями где-то подрабатывала.

Парень учился со мной в одном классе, но повод подружиться выпал не сразу.

Как-то на перемене я справлял малую нужду, и он пристроился рядом. Завершив дело молча и одновременно, мы вместе мыли руки.

– А у меня кое-что есть! – сказал он, вытирая руки о штаны. – Хочешь посмотреть?

Вынул фотокарточку из бумажника, протянул мне. Голая женщина, раскорячившись, втыкала в себя пивную бутылку.

– Классно, да?

– Класснее некуда!

– Приходи ко мне домой. У меня есть такие, что вообще закачаешься.

Так мы с ним и подружились.

В нашем городе живут разные люди. За восемнадцать лет я научился здесь многим вещам. Город пустил в моем сердце такие крепкие корни, что почти все воспоминания связаны с ним. Но в ту весну, когда я поступил в университет и покинул свой город, в моей душе было облегчение.

Теперь, приезжая на летние и весенние каникулы, я только и делаю, что пью пиво.

29

Целую неделю Крыса ходил как в воду опущенный. То ли из-за скорой осени, то ли из-за девчонки… Слова из него было не вытрясти.

Когда Крыса подолгу не появлялся, я приставал к Джею:

– Слушай, а что такое с Крысой стряслось, как думаешь?

– Да я и сам толком не пойму… Может, просто лето кончается?

С приближением осени Крыса всегда впадал в депрессию. Он сидел за стойкой, тупо уткнувшись в книгу, а когда я пытался с ним заговаривать, отвечал односложно и без настроения. Когда на сумеречной улице свежел ветер и еле заметно начинало пахнуть осенью, он ни с того ни с сего забывал о пиве, принимался хлестать виски со льдом, без конца кидал деньги в музыкальный автомат, терзал пинбол, покуда машина не отказывалась с ним играть, – и заставлял Джея нервничать.

– У него, наверное, такое чувство, будто его бросают, – сказал Джей. – Я его понимаю.

– Как это?

– Ну, все разъезжаются – кто работать, кто обратно в университет… Ты ведь тоже?

– Да, я тоже.

– Ну вот, видишь…

Я кивнул.

– А девчонка эта?

– Чуть времени пройдет, и забудется. Помяни мое слово.

– Что же там у них произошло?

– Кто ж их знает…

Джей принялся за прерванную работу. Я больше ничего не спрашивал. Кинул мелочи в музыкальный автомат, выбрал несколько песен и вернулся за стойку к своему пиву.

Минут через десять передо мной опять возник Джей.

– Слушай, а Крыса с тобой ни о чем не говорил?

– Нет.

– Странно.

– Почему?

Джей задумался, протирая стакан.

– Ему обязательно надо с тобой посоветоваться.

– Ну, так что же он?

– Это непросто. Боится, что ты его на смех поднимешь.

– Да не буду я его на смех поднимать!

– По тебе этого не видно. Причем уже давно. Ты хороший парень, но – как бы это сказать – некоторые вещи почему-то считаешь суетой, недостойной внимания. Хотя я не хочу сказать ничего плохого.

– Это понятно.

– Все-таки я на двадцать лет тебя старше, и много чего в жизни повидал. Поэтому отношусь к вам, как…

– Как бабушка?

– Да.

Я чуть не подавился пивом от смеха.

– Ладно, попробую с ним сам поговорить.

– Давай, это будет правильно.

Джей потушил сигарету и вернулся к работе. Я решил вымыть руки. Из зеркала в умывалке на меня смотрело мое отражение. Вернувшись, я выпил еще одну бутылку, чтобы отделаться от неприятного чувства.

30

Было время, когда все хотели выглядеть крутыми.

Незадолго до окончания школы я решил выпускать наружу не больше половины своих сокровенных мыслей. Зачем я так решил, уже не помню, – но строго

выполнял это несколько лет. А потом вдруг обнаружил, что добрую половину мыслей вообще не могу выразить словами.

Как это связано с крутизной, мне не совсем понятно. По-английски это называется cool, «хладнокровный» – в этом смысле меня можно сравнить со старым холодильником, который не размораживали целый год.

Я барахтаюсь в болоте времени и продолжаю писать эти строки, подстегивая засыпающее сознание пивом и табаком. По нескольку раз принимаю горячий душ, дважды в день бреюсь и без конца слушаю старые пластинки. Вот и сейчас у меня за спиной поют давно забытые Питер, Пол и Мэри:

«Dont think twice, it’s all right»[7 - Не задумывайся, все в порядке (англ.) Строка из одноименной песни Боба Дилана.].

31

На следующий день я договорился с Крысой встретиться в бассейне одного из отелей на окраине города. Лето шло к концу, к тому же добираться туда было неудобно, поэтому народу в бассейне собралось немного, человек десять. Половину составляли американцы, остановившиеся в отеле, – вместо того, чтобы плавать, они самозабвенно загорали.

Отель выстроили в стиле аристократического особняка. По его роскошному зеленому двору тянулись розовые кусты, отделявшие бассейн от основного здания. Они взбегали на невысокий холм, с которого хорошо было видно море, а также бухта и город.

Мы с Крысой несколько раз сплавали наперегонки в 25-метровом бассейне, потом уселись рядом в шезлонгах и открыли холодную колу. Отдышавшись, я затянулся сигаретой. Крыса умиротворенно глядел, как в бассейне плавает молодая американочка.

По безоблачному небу пронеслись несколько реактивных самолетов, оставив белые, будто замороженные следы.

– Такое впечатление, – сказал Крыса, глядя вверх, – что, когда мы были маленькие, самолетов летало больше. Причем, в основном – американские, двухфюзеляжные, с пропеллерами.

– «P-38»?

– Нет, транспортные. Огромные, куда там «P-38»… Одно время летали очень низко, можно было всю военную маркировку разглядеть. Еще помню «DC-6», «DC-7», а один раз видел «Сэйбер»!

– Ну, это давно…

– Да, при Эйзенхауэре. Тогда еще к нам в гавань крейсер зашел. В городе куда ни плюнешь – в моряка попадешь. И патрули. Ты видел патрули?

– Ага.

– Теперь все куда-то пропало… Хотя это я не к тому, что мне военные нравятся.

Я кивнул.

– Но «Сэйбер» был классный самолет! Пока не начал напалм сбрасывать. Ты когда-нибудь видел, как сбрасывают напалм?

– Видел, в фильмах про войну.

– Чего только люди не напридумывают! Хотя это они выдумали здорово. Кто знает, может, лет десять пройдет – и по напалму будет ностальгия.

Я рассмеялся и достал вторую сигарету.

– Любишь самолеты, да?

– Когда-то хотел летчиком стать. Потом глаза испортил и раздумал.

– Понятно…

– Небо люблю. Сколько угодно могу на него смотреть – не надоедает. А когда не хочу, просто не смотрю.

Крыса замолчал минут на пять, а потом вдруг заговорил:

– Иногда становится невмоготу. Осознавать, что ты богатый, и все такое… Бывает, хочется убежать. Понимаешь?

– Как это – «убежать»? – удивился я. – Хотя… Если тебе и вправду так хочется – возьми да убеги.

– Наверное, это было бы лучше всего. Уехать в какой-нибудь незнакомый город, начать все с нуля… Разве плохо?

– Что, и университет бросишь?

– Да я его уже бросил. Возвращаться никакой охоты нет.

Глаза Крысы за темными стеклами продолжали следить за плывущей девушкой.

– А почему бросил?

– Ну… Надоело потому что. Хоть сначала и старался. Так сильно, что самому теперь не верится. До всех мне было дело – не меньше, чем до себя. Даже полицейские меня из-за этого били. Но приходит время, когда каждый возвращается на свое место. Только мне некуда вернуться. Знаешь, есть такая игра – все вокруг стульев бегают, потом садятся – а одному стула не хватает.

– И что ты теперь собираешься делать?

Крыса задумчиво вытер ноги полотенцем.

– Думаю повесть написать. Ты как на это смотришь?

– Ну, возьми да напиши.

Крыса кивнул.

– А какую повесть?

– Хорошую. По моим стандартам. Я ведь себя талантом не считаю… Но, по крайней мере, смысл писательства я вижу в том, чтобы самому чему-то научиться. Правильно?

– Правильно.

– Писать надо для себя… Или, скажем, для цикад.

– Для цикад?

– Ага.

Крыса потеребил висевшую на голой груди полудолларовую монету с портретом президента Кеннеди.

– Несколько лет назад я с одной девчонкой ездил в Нару[8 - Нара – город в районе Кансай, древняя столица Японии.]. Была ужасная жара, и мы с ней часа три шли между холмов. Навстречу никого, только птицы взлетали с криками. И певчие цикады трещали под ногами, когда мы шли по меже. Больше ни души. Просто было очень жарко.

Мы устали и присели на пологом склоне, где трава была помягче. Понежились на ветерке и вытерли пот. Под склоном пролегал глубокий ров, а за ним – лесистый древний курган, как выступающий из воды остров. Императорская могила. Ты ее видел когда-нибудь?

Я кивнул.

– И тогда я подумал: для чего же сделана такая громадина? Конечно, в любой могиле есть смысл. Все когда-нибудь умрут – и это как напоминание. Но здесь было как-то чересчур. Огромные размеры иногда меняют суть вещей до неузнаваемости. Фактически это вообще не было похоже на могилу. Это была гора. Во рву плавали лягушки и ряска, а ограду затянуло паутиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пьеса (1955) американского драматурга Теннесси Уильямса (1911–1983). – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Татами (соломенный мат) занимает около полутора квадратных метров и служит единицей измерения жилой площади.

3

«Гимлет» («Буравчик») – коктейль на основе джина или водки с соком лайма.

4

Жюль Мишле (1798–1874) – французский историк, автор многотомной «Истории Франции». В книге «Ведьма» (1862) выступил защитником женщин, преследовавшихся церковью за колдовство.

5

Джин Себерг (1938–1979) – американская киноактриса.

6

«Triumph TR-3» – марка английского спортивного автомобиля.

7

Не задумывайся, все в порядке (англ.) Строка из одноименной песни Боба Дилана.

8

Нара – город в районе Кансай, древняя столица Японии.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haruki-murakami/slushay-pesnyu-vetra-pinbol-1973-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить